

Евсеев Максим

Панург и его бараны

Фантастическая повесть

18+

Максим Сергеевич Евсеев

Панург и его бараны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32492473

SelfPub; 2018

Аннотация

Его внешняя жизнь обыденна – обычный современный горожанин, но его внутренняя жизнь изрядно населена, ярка и насыщена событиями. Не просто воображаемый друг, как у многих, но клан, племя, когорта. Не суб-личности, а настоящая семья. Однажды он обнаруживает, что все внутренние друзья пропали, и образовавшаяся пустота зовет его на поиски. Меж тем в реальном мире героя подстерегают настоящие, а не выдуманные битвы, встречи, трагические и романтические истории. Это история об эскаписте, вынужденном найти свое место в реальности, современное городское фэнтези с элементами рыцарского романа и космо-саги.

Глава I

Долгое время они просто жили в моей голове. Мы разговаривали, играли, делились плохим и хорошим. Их проблемы я решал легко и изящно, они же отдавали мне должное, восхищались мною, утешали, прощали и оправдывали мои промахи. Деликатные и дружелюбные, они приходили тогда, когда были нужны, вступали за меня в драку с незваными гостями, убаюкивали сказкой. Я одевал их в красивые наряды, вооружал волшебным оружием и знакомил с самыми обольстительными девушками. В бою им сопутствовала удача, их жизнь была наполнена приключениями, сами они были воплощением мужественности и мудрости, а в их мире царило добро и справедливость, так, как это понимал я.

Вы скажете, что подобное происходит с каждым маленьким человеком, что похожее происходило и с вами? Но есть нечто, что отличает вашего покорного слугу от всех остальных повзрослевших детей, научившихся управлять своей жизнью, получающих удовольствие от этого процесса; от тех, кто забрал у своих фантазий и выдуманных героев свою судьбу, потому что вам вдруг понравилось делать что-то самим. Вы стали прощаться с этой эфемерной частью своей жизни, прощаться с сожалением или в гневе, просто забывая о них или с усилием вышвыривая их из своей головы. Конечно, они не ушли совсем, но их становилось всё меньше,

и освободившееся место стали занимать успех и разочарование, планы и детальные расчёты, воспоминания и надежды.

Со мной всё происходило совсем по-другому: я сделал их слишком подробными, каким хотел быть сам, я дал им слишком много воли и силы, которой не хватало мне. И теперь уже они звали меня играть, отрывая от моей реальной жизни, и не принимали отказа.

Я отдавал им всё своё свободное время: нянчился с ними, когда они хандрили, мирил их и наставлял, строил им замки и крепостные валы, чтобы уберечь от врагов, выискивал им новые игрушки, но всё равно не справлялся – их мир болел и разрушался, посева гибли, а сами они начали исчезать. Черты немногих выживших утратили очарование, характер у них портился – им было плохо, но я не мог им помочь. В какой-то момент пришлось время признать, что я завишу от созданного мною мира не меньше, чем мои герои. Надо было что-то делать.

Гаспар

Он двигался через лес, и луна, такая же, как в арденском лесу, освещала такие же деревья и такой же голубой снег. Но Гаспар уже понимал, что сколько бы он ни плутал по лесу, проваливаясь в сугробы, сколько бы ни карабкался наверх, он уже не найдёт тропинку, ведущую к замку, взобравшись на дерево, не увидит, возвышающегося над долиной старого донжона, не разожжёт камин, не приготовит ужина для мо-

лодого господина. Нет больше у старого Гаспара господина, нет больше дома и не для чего ему возвращаться.

– Будь прокляты Гизы! – в отчаянии ругался он и сбивал снег с веток, ломая сами ветки, как ломал до этого шею слуг Франсуа де Гиза.

– Будь прокляты гугеноты! – почти кричал Гаспар, вспоминая, как сжималось его сердце, когда молодой господин стал посещать сборища кальвинистов. Как он хитростью и силой не дал ему поехать в Блуа и спас его от подвешения на крюке.

Без сил он упал, наконец, на замёрзшую землю и прошептал:

– Почему?

К кому обращался, большой и сильный человек, лежащий на снегу? К Богу, в которого не верил? К белой круглой луне, которая сыграла с ним жестокую шутку, самую злую из всех, и увела его из замка Пьер Нуар в конце февраля 1562 года? К рыцарю Гийому де Богарнэ, привёзшему растерзанное тело барона де Ковиньяка?

Некому было ответить: Бог никогда не говорил с Гаспаром, луна лишь звала за собой, а рыцарь Гийом остался лежать во дворе старого замка, разорванный и обезображенный, вместе с теми, кто был с ним. Да и спрашивать не было никакого толка, он сам знал, почему погиб молодой человек, который был последним законным владельцем старого

замка и носителем одной из древнейших и родовитых фамилий Франции, восходящей по материнской линии к Матье де Монморанси. А со смертью Габриэля прерывался не только род Ковиньяков, но и терялся смысл жизни самого Гаспара Гару, предки которого веками служили этому древнему роду.

Наконец Гаспар поднялся с земли и стал думать, что ему делать дальше. Он плохо понимал, где он находится и как очутился здесь, он помнил только слепую ярость, которая охватила его при виде мёртвого тела молодого барона и надменного выражения лица де Богарне.

– Я возвращаю тебе это тело, старик. Герцог велел мне привезти его домой, из уважения к господину коннетаблю, с которым твой хозяин находился в дальнем родстве, чтобы его могли похоронить, как подобает отпрыску древнего рода, хотя сомневаюсь, что еретикам полагается место на кладбище рядом с добрыми христианами.

Дикий вой Гаспара напугал всадников, лошади взметнулись на дыбы или шарахнулись в сторону, сбрасывая седоков, и только рыцарь Гийом удержал своего гнедого жеребца и смог остаться в седле. Он успел сжать рукоятку меча, с замысловатой гардой, но не смог вытащить меч из ножен. Когда конь рванул прочь, через замковые ворота, унося рыцаря Гийома де Богарне, его рука по-прежнему крепко держала оружие, а его широко раскрытые от ужаса серые глаза смотрели в след, потому что голова рыцаря осталась в замке,

сжимаемая рукой Гаспара Гару. Спутники де Богарне, надо отдать им должное, пытались сопротивляться. Для них эта бойня в старом замке была продолжением резни в Васси, где они избивали гугенотов. Она стала одним из эпизодов войны за веру, но эпизодом последним. Четверо слуг Франсуа де Гиза, умрут на замковом дворе, призывая на помощь бога и шепча молитвы на чужом для них языке, уверенные в своей правоте, потому что то, что видели их глаза, было подтверждением слов священников об абсолютном зле, которое явилось на землю для испытания всех истинно верующих. Даже, если бы их можно было бы расспросить, что они видели в последние мгновения своей жизни, они не смогли бы описать всего ужаса, который происходил с ними в замке Пьер Нуар: тот, кто был только что старым слугой, превратился в чудовище, похожее на огромного седого волка, оно в один прыжок покрывало расстояние в два-три туаза, и ударом огромной лапы сбивало с ног; это порождение ада разрывало человека на части и с утробным воем вгрызалось в тела, вырывая внутренности у ещё живых. Но, к счастью для окрестных жителей, спросить погибших слуг господина де Гиза было уже нельзя. Гаспар собрал их тела в одну большую кучу, он принёс во двор и обезглавленное тело Гийома де Богарне, чтобы сжечь их вместе с замком, но в старом замке нечему было гореть. Всё что можно было, сожгли в камине холодными зимними вечерами, а своего леса у Ковиньяков давно уже не было, и только крестьяне приносили время от времени

хворост. Весь залитый кровью, в разорванной одежде, явился Гаспар в деревню и, поручив тело своего господина крестьянам, велел похоронить согласно христианскому обряду и с подобающим уважением, и пригрозил самыми страшными карами, если они этого не сделают. И не было в маленькой деревне ни одного человека, который бы не поверил угрозам Гаспара Гару, о котором среди местных жителей ходили страшные слухи.

Сны

Как-то, моя девушка пожаловалась мне, что ей снятся кошмары.

– Попробуй управлять своим сном. Надо только вспомнить, что ты спишь и поменять правила игры, – ответил я.

– Ты осознаёшь, что спишь? Понимаешь, что всё происходящее тебе снится? – удивилась она.

– Не всегда... Вернее я осознаю это всегда, но вспоминаю об этом только в крайнем случае, если сон мне не нравится, или наоборот, если он слишком прекрасен. Настолько прекрасен, что я перестаю ему верить. Уверен, что это происходит с каждым, просто вы не хотите это признать. Ты относишься к своим снам слишком серьёзно, ты видишь в них какой-то психологический или может сакральный смысл, а сон – это лишь не до конца обдуманые мысли, загнанные в угол сознания мечты и фантазии. Они возникали в твоей

голове весь день, пока ты сталкивалась с реальностью, которая тебя пугала, злила или наоборот, манила, но была недосягаемой. Во сне ты просто проживаешь весь день заново, только добавляя в него то, что в реальности прятала внутри себя. Представь себе: сегодня утром ты приготовила на завтрак невкусную яичницу, потому что твоя начальница отвлекла тебя телефонными звонками; ты торопилась и в суете не смогла найти соль, ты смотрела интервью с Томом Хиддлстоном на ю-тубе, где он танцует, но тебе пришлось прерваться, и всё это копилось внутри тебя. И если тебя это всё, по-настоящему, задело, если ты об этом думала днём, то ночью тебе может присниться, как ты занимаешься сексом с Локи, а в большом котле, наполненном водой из Мертвого моря, варится твоя начальница.

– Варится? Я ведь яичницу жарила, – поправила меня Ульяна.

– Вот видишь, ты забыла, что хотела сварить яйца всмятку, но потом передумала, потому что не любишь их есть второпях и без соли. Но твой мозг всё помнит.

Я предлагал ей самый простой, и, как говорит мой друг Руслан, самый "квадратный" пример. Мне казалось, что так будет проще, а начинать надо с самого простого. Впрочем, иногда простым лучше и ограничиться, чтобы не плодить сущностей, особенно, если у тебя их, на самом деле, нет.

Она не верила мне или думала, что я шучу. Но я говорил абсолютно серьёзно. Я вообще заметил, что со своими снами

мне договориться проще, чем с другим человеком. Вернее, было проще...

Как многого я не замечал: не замечал, что мои фантазии выходят из моего подчинения, что моя девушка уходит от меня, и ещё чего-то очень важного...

– Послушай, – заговорила Ульяна, – я не готова обсуждать с тобой твою бессмысленную теорию о снах, тем более что она абсолютно не оригинальна, я хотела, чтобы ты всего лишь обнял меня и сказал, что всё будет хорошо и что ты всегда рядом. Знаешь, это совсем не сложно. Но тебе больше нравится разглагольствовать о снах, – и раздраженно уткнулась в планшет. – В ванной, кстати, кран течёт, ты не мог бы починить?

И я устремился в ванную комнату. Устремился неторопливо, по дороге представляя себе, как чиню смеситель, а тот срывается и окатывает меня горячей водой, но невероятным усилием мне удастся поставить смеситель на место. И вот я стою в ванной комнате, ошпаренный кипятком, без рубашки, в красивом джинсовом комбинезоне, а в двери плачущая Ульяна, которой ужасно стыдно.

Кран не тёк. Я открыл, поочерёдно, горячую и холодную воду, потом закрыл. Включил душ и в этот момент в меня ударила струя горячей воды. Попытки поставить смеситель на место ни к чему не привели, и мне пришлось перекрыть воду в стояке. Когда обваренный горячей водой, мокрый и растерянный, я обернулся, Ульяна действительно стояла в

проёме двери. Правда смотрела она не на меня, а на залитый пол ванной комнаты, и стыдно было мне.

– Я думаю, что лучше вызвать сантехника, – сказала она, недоуменно качая головой. – Ты сам позвонишь, или лучше мне?

И, не дожидаясь моего ответа, она пошла в комнату за телефоном, а я смотрел на сорванный смеситель, на воду на полу, на разбросанные повсюду флаконы с шампунем, гелем для душа и кондиционерами для волос, и пытался понять, как так получилось.

Меня нельзя назвать мастером на все руки, но когда-то этот смеситель я сам и поставил. Поставил, не перекрывая воды в стояке, потому что вентиль там от времени поизносился и не закрывал воду до конца, сделал всё очень оперативно, и с минимальными потерями. Воды, во всяком случае, было гораздо меньше.

С самого раннего детства, я умел собрать и разобрать электрический штепсель или розетку, мастерил в институте кипятильники из бритвенных лезвий, и ещё ребёнком провёл себе в комнату телефон, втайне от родителей. Телефон, кстати, собрал сам, из старой трубки и диска для набора номера. Но в последнее время у меня всё валилось из рук: дрель, если я сверлил дырку в стене, упиралось сверлом в арматуру и не желала двигаться дальше; торцовый ключ, когда я пытался снять крышку двигателя, становился мягким,

как масло и свободно проворачивался, не желая открутить болт; падали из рук чашки, просыпалась соль и крупы – вещи совсем перестали мне подчиняться. Разумеется, я винил китайские электропатроны, продавцов инструментов и производителей всего, что меня окружало. Сетовал на возраст и невнимательность, на кривые свои руки, на усталость... Но иногда возникало чувство, что дело, всё-таки, не только в этом, что я становлюсь лишним в этой, когда-то понятной и родной реальности, что сначала люди, а потом и вещи начинают видеть во мне чужака, или вовсе перестают замечать. Но я тут же гнал эту дурацкую мысль и искал более правдоподобные объяснения.

– Ты можешь подойти? – услышал я голос Ульяны из комнаты. И мне показалось, что я не хочу этого разговора.

Панург

– Панург! Тебя ищет Мадлен.

Кто это кричал? Какой-то ребёнок. Может это ребёнок его, Панурга? В этом он не был уверен. Совсем не был уверен.

Мадлен...

Как же так случилось? То ли слова Пантагрюэля подействовали на него, то ли он неправильно понял своего друга и благодетеля.

Впрочем, каких советов только не давали Панургу! Все

эти советы были исполнены заботы, изложены они были красивым слогом, но противоречивы по сути. А вот слова самой Мадлен были неясны по форме и, казалось бы, оставляли выбор за Панургом, но, в то же время, категоричны по сути, и выбора ему не оставляли совсем. Так Панург женился.

Но дело-то было вовсе не в Мадлен, дело было в том, что величайший хитрец и пройдоха, каким мнил себя сам Панург, неунывающий шутник, избегнувший всевозможных бед и неприятностей, находился в самом трудном положении и не знал, что делать.

Если бы Пантагрюэль был бы рядом, если бы он только спросил, в чем причина этого самого затруднения, если бы хоть кто ни будь из бывших его друзей и собутыльников поинтересовался, отчего Панург так грустен и чем он так озадачен, то что бы мог им ответить Панург? Он знал, что беда подошла к нему совсем близко, знал, что перед ним стоит проблема самая трудная из всех встречавшимся на его жизненном пути, но он не видел её. Чувствовал её зловонное дыхание, слышал грозную поступь её шагов, вздрагивал от мерзких её прикосновений, но не мог разглядеть. А как можно описать то, что ты не в силах рассмотреть?

– Панург! – это был уже голос самой Мадлен. Уж её-то Панург видел хорошо. Его жена не пряталась от него. Да и смотреть на неё, чтобы описать словами, не было никакой необходимости. Иногда, она меняла платья и причёску, покупала новую обувь, красила щёки теми или другими румя-

нами, но выражения лица, когда она смотрела на Панурга, не менялось никогда. Это выражение не надо было видеть лишней раз, чтобы угадать настроение самой Мадлен.

– Панург, будь ты неладен! Что же ты не бросился в воду сам, много лет назад, вместо самого красивого и крупного барана? Всё стадо приняло бы тебя за своего и последовало бы твоему примеру, ибо ты и есть самый главный баран на этой земле.

Эту проблему в виде своей благоверной, Панург тоже не мог решить, но от неё он мог, по крайней мере, удрать, что он, не задерживаясь, и поспешил сделать.

Рассуждал он следующим образом: до ближайшей корчмы быстрым ходом идти ему было десять минут, а Мадлен там окажется, не ранее чем через тридцать. За это время он успеет выпить не менее двух кружек пива, что даст ему силы дойти до следующего кабачка. И так они будут кружить по округе до самого вечера: он – поглощая пиво, вино и окорок, она – разыскивая его и жалуясь каждому, кто встретится, на свою нелёгкую долю и Панурга. К вечеру же каждый получит своё, и, утолив свои потребности, у них не будет ни сил, ни желания скандалить. Оставался вопрос, чего именно хотела от него супруга в этот раз, но выяснять это у храброго Панурга не хватало мужества.

Голос

Можно было бы сказать, что я зол? Нет, во мне боролось много чувств: злость, растерянность, жалость к самому себе. Смешавшись, как смешиваются на холсте краски, они выдали не некий замысловатый цвет, а банальное грязно-бурое раздражение, которое мне некуда было выплеснуть. Я пытался отвлечься от неприятного разговора, который закончился мерзким скандалом, за который мне было ужасно стыдно, но в голове творилась такая чехарда, что мне стало казаться, будто я прислонился к замочной скважине двери в репетиционный зал, а внутри этого зала сумасшедшие музыканты репетируют и ругаются одновременно. Удрал из дома я не потому, что мне нужно было остыть и подумать, а потому что у меня кончились слова и аргументы. Я перестал понимать Ульяну, я перестал понимать самого себя, и в ту же секунду я оказался в открытом космосе, почувствовав, что воздух испаряется из каждой клетки моей кожи, и если я открою рот, то он вырвется из лёгких, и я задохнусь, а если не открою, то меня разорвёт на части. Уже выйдя на свежий воздух, я попробовал поразмышлять, отвлечься, позвать на помощь тех, кто живет в моей голове, но там никого не было, и меня тоже не было. Там царила пустота, как в старом, наспех покинутом доме, из которого увезли мебель и сняли оконные рамы. А снаружи свистел ветер. Не было повода для ссоры, не было причины убегать из дома, не было... Вообще ничего. Ни внутри меня, ни снаружи. Ветер эмоций ещё покружил в пустом доме обрывки старых газет и тоже улетел. Внутри ста-

ло тихо. И вдруг мне показалось, что кто-то зовет меня. Голос доносился из моей головы, но я точно знал, что зародился этот голос не внутри меня, он прилетел откуда-то извне. Осталось понять, откуда именно. Я зашагал в сторону леса: во-первых, потому что я жил недалеко от леса, а во-вторых, потому что вместе с голосом, который меня звал, я слышал шум деревьев. Быстрее всего в лесу можно было оказаться, если двигаться по улице, которая шла сразу за моим домом. Она собственно и оканчивалась лесом. Машин на дороге не было, и я побежал прямо по проезжей части. Бежать было тяжело и не только потому, что я давно этого не делал, мне казалось, что под ногами у меня не асфальт, а голая земля, на которой, время от времени, попадаются вкопанные в дорогу камни. Вдалеке слышался звон колокола и далёкий топот, как будто меня догоняют всадники на уставших конях. Я задыхался и, уже вбежав в лес, вынужден был опереться на дерево, чтобы перевести дыхание. Голос звучал то совсем близко, то затихая. Я не мог разобрать, приближается ли ко мне стук копыт или это стучит моё сердце.

Зимой темнеет рано, а в лесу была крошечная тьма, но спустя некоторое время я смог различать тени, сугробы и стволы деревьев. Несколько тропинок разбегались передо мной, одна из них вела вглубь леса.

«Она! Та самая тропинка». Это была первая законченная мысль в моей голове, после того, как я вырвался из вакуума квартиры и скандала, на свежий воздух. «Он, несомнен-

но, там!»! Кто был этот "ОН", и почему он находился именно в глубине леса, я не имел понятия. Мыслей в голове было ограниченное количество, и объяснять мне что-либо они не собирались. Вернее было бы сказать, что это была единственная мысль, и именно за ней я и бежал в темноту леса. Несколько раз я поскользнулся, падал и вставал, влетел с размаху в кустарник и ободрал себе лицо, но продолжал движение. Внезапно услышал голоса, и между деревьями мелькнул свет костра, я сошёл с тропинки и направился в сторону огня.

Глава II

Встреча

На небольшой полянке спиной ко мне сидели и стояли несколько человек, при моём появлении они повернули головы. Лиц я их не видел, потому что огонь освещал моё лицо, а им – затылки. Похоже было, что я прервал какой-то разговор, который они вели, уйдя от посторонних глаз на эту поляну, в лес, в котором в это время не было ни прохожих, ни полиции. Что именно они говорили, я не разобрал, но один из них, явно, оправдывался, а ещё двое наседали на него. Рядом стояла девушка. Мне казалось, что я её видел несколько раз у подъезда в компании ребят. И голоса самих ребят – резкие, с надрывом – мне тоже были знакомы. Как-

то в начале осени эти голоса, втолковывали друг другу, что именно они, а никто другой, являются шпаной нашего района, и что это гордое звание нельзя делить ни с кем другим, а сами ребята пьяно покачивались под окном моей кухни. Голоса – громкие и пьяные – раздражали, и я собрался было выйти и сделать им замечание. Даже направился к выходу, когда Ульяна остановила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.